

Красавца отправили в степь для заключения брака ради мира по воле его брата-императора. Перед отъездом император пришёл проводить его. Отправив служанок прочь из покоев, император в драконовом одеянии подошёл к ложу красавца. Тот только что вышел из ванны и был одет в шёлковое нижнее бельё алого цвета. Его длинные чёрные волосы рассыпались по постели, а худое бледное тело лежало на боку, лицом к стене, и он тихо плакал.

Сердце императора разрывалось от боли. Он снял драконовое одеяние и нежно прилёг рядом со своим хрупким братом. Император только что взошёл на престол и ещё не успел укрепить свою власть, как вдовствующая императрица обнаружила их тайную связь. Обняв брата сзади, император нежными пальцами стёр следы слёз с его лица, поцеловал его в ухо и стал утешать:

— Брат сделает всё, чтобы вернуть тебя.

Но слова были лишь словами. Отправленного человека уже не вернёшь. Красавец знал, что брат просто успокаивает его, чтобы он смирился с браком с уродливым кочевником. Он с грустью оттолкнул брата, но тот воспользовался моментом, обнял его за талию и прижался к его мягкой груди, вдыхая аромат нежной шеи. Красавец не смог оттолкнуть ненавистного брата, а его тонкое шёлковое бельё уже было сдвинуто. Руки императора скользили по его нежной коже, и страсть уже нельзя было сдерживать. С тех пор, как вдовствующая императрица обнаружила их связь, они не виделись два месяца, и завтра красавец должен был отправиться в степь. Это был последний шанс императора увидеть брата.

Под одеялом император снял с брата нижнее бельё, целуя его нежные соски, лаская бёдра и бесстыдно входя в него. Ещё до восшествия на престол император не раз тайно встречался с братом. Красавец был сыном наложницы низкого ранга, и после смерти матери его отдали на воспитание матери императора. С детства они были неразлучны, и запретная любовь постепенно зародилась между ними. Император сосал его соски, ласкал его тело и грубо обладал им. Красавец, думая о завтрашнем отъезде, с отчаянием принимал последнюю близость с братом.

Они провели вместе всю ночь. Кровать скрипела, свечи мерцали, а на окнах и дверях красовались большие иероглифы «счастье», словно это была их свадебная ночь. Император действительно так думал. После этой ночи брат станет его тайной «любимой наложницей», но он должен был отправить свою «любимую» другому. Под красным свадебным одеялом брат был одет только в прозрачное шёлковое бельё, его тело было влажным, а между ног оставалась краснота от многочасового обладания. Брат широко раздвинул ноги, а император, сбросив с себя драконовое одеяние, с силой входил в него. Красавец был прекрасен, но и император не уступал ему. С его сильным телом и изысканными чертами лица он считался самым красивым мужчиной империи. Красавец, принимая своего прекрасного брата, целовал его губы и умолял:

— Брат... брат, я не хочу ехать...

Император излился в него, продолжая входить, и утешал:

— Будь хорошим мальчиком.

— Жун'эр должен поехать, чтобы сохранить мир в наших землях.

Император ласкал его нежные груди, снова и снова обладая им. Ему тоже было жаль брата. Брат был мягким, послушным и обладал лицом, способным очаровать любого. Как брат, он хотел спрятать его навсегда. Но как правитель он должен был отправить его. Брат был слишком прекрасен, слишком соблазнителен, слишком умел соблазнять мужчин в постели. Отправив его к уродливым и диким кочевникам, он, возможно, сможет сохранить мир на

границах.

Император целовал брата до самого утра, пока служанки не сообщили, что время почти вышло. Император разозлился, но позволил им войти. Он отнёс брата в ванную, его сильное тело держало хрупкого красавца, и в тёплой воде он едва сдерживался, чтобы не поглотить его целиком. Они провели в ванной целое утро, не желая отпускать друг друга. Губы брата уже опухли от поцелуев, а его нежный язык онемел. Император оставил множество следов на его шее и груди, обнимая его тонкую талию, почти теряя рассудок. Они провели в ванной целый час, пока не наступил рассвет. Наконец, император с неохотой отпустил брата и с ненавистью наблюдал, как слуги готовят его к отъезду.

Император смотрел, как брат надевает красное свадебное одеяние, а на его лицо наносят тонкий слой пудры. Косметика выглядела уродливо, а слёзы брата размывали макияж. Император лично вытер его лицо платком, снял пудру и накрыл его красной вуалью с золотой вышивкой, холодно сказав:

— Пусть будет так.

Император взял брата за руку и помог ему сесть в роскошный паланкин, запряжённый восьмерью слуг. Сам он верхом на чёрном коне проводил брата за пределы города, где тот пересел в подготовленную карету.

Когда карета уже готовилась тронуться, император внезапно подъехал к ней и хрипло крикнул:

— Жун'эр!

Брат тут же откинул занавеску и поднял вуаль, смотря на него сквозь слёзы. Император, на глазах у всех сопровождающих, едва сдерживал слёзы. Он лишь слегка взял руку брата и поцеловал его пальцы, напоминая:

— Будь хорошим мальчиком там.

Брат с грустью опустил руку и закрыл занавеску.

Эта сцена стала легендой. Тщательно составленные стихи распространились из столицы по всей стране, достигнув северных рубежей. Люди говорили, что император любит своих подданных, как детей, и отправляет самого любимого брата, принца, на северные рубежи ради мира. Это свидетельствовало о важности, которую император придавал диким племенам, и его надежде на вечный мир и процветание.

Красавец плакал всю дорогу, и только через два месяца они достигли северных границ. Там сопровождающие должны были повернуть назад, и только две служанки и группа телохранителей остались с ним. Теперь его должны были сопровождать всадники степей к шаньюю.

Всадники были храбрыми и дикими, не имея никаких манер, присущих ханьцам. Когда красавец пересаживался в карету, небольшая группа всадников окружила её, издавая насмешливые крики. Красавец испугался, но слуги успокоили его:

— Ваше высочество, не бойтесь, это приветствие степных народов.

Красавец лишь ещё больше убедился в уродливости и грубости этих варваров. Всадники не испытывали к нему особого уважения, и причина была проста: шаньюю было уже за сорок, у

него было три жены и несколько детей. Хотя красавец становился его новой женой, после смерти шаньюя он, скорее всего, перейдёт к старшему сыну.

Ещё месяц они ехали по степи, пока не достигли шатра шаньюя. Красавец, увидев бескрайние степи и больше не видя родных гор, не мог сдержать слёз. Неужели всю жизнь придётся провести в этой пустыне, ухаживая за лошадьми, рожая уродливых детей и отдавая своё тело грубым степным мужчинам?

Красавец думал о самоубийстве, но слуги не позволили бы ему сделать это. В день прибытия он сразу же был обвенчан с шаньюем. Сорокалетний дикарь пил кумыс и боролся с другими мужчинами на глазах у всех. Никто не мог победить шаньюя, даже его старший сын. Красавец надел ненавистную одежду кочевников, на его лицо снова нанесли румяна, и он плакал, окружённый тремя жёнами шаньюя, наблюдая за борьбой.

Ночью красавец был отведён в шатёр шаньюя, где свадьба продолжалась. Шаньюй и его воины пили и ели мясо у костра.

Красавец мылся в неглубоком медном тазу. В степи не хватало воды, и вода едва достигала его лодыжек. Он был зол и обижен. Шатёр шаньюя был убогим, и даже кровать была покрыта лишь толстыми шкурами. Красавец с отвращением смотрел на это.

После ванны он отказался надевать уродливую одежду кочевников и выбрал красивый шёлковый наряд. Полупрозрачная ткань облегла его изящное тело. Когда шаньюй вошёл, он увидел красавца, сидящего на кровати и с досадой теребящего шкуры.

Длинные чёрные волосы красавца уже высохли, а фиолетовый наряд подчёркивал его белоснежную кожу. В свете огня шаньюй видел очертания его тела. Его сердце забилось чаще. Он тяжело шагнул к красавцу, а тот, услышав шаги, заплакал.

<http://bllate.org/book/16253/1461905>